

УДК “94(47) 17/1917”

ЗАХАРОВ Александр Викторович –

*д.и.н., доцент; профессор кафедры экономической и политической истории России Саратовского социально-экономического института – филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова 410003, Россия, г.Саратов, ул. Радищева, 89
ZaharovAV2007@yandex.ru*

ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ПОВОЛЖЬЯ

PRISONERS OF THE WORLD WAR I IN THE AGRICULTURE OF THE VOLGA REGION

В данной статье исследуется проблема трудоустроенности сельского хозяйства Поволжья в годы Первой мировой войны. Данный регион издавна входил в число крупных поставщиков товарного зерна. Всеобщая мобилизация привела к дефициту рабочих рук. В поисках решения проблемы правительство обратило взоры на возможность использования в сельском хозяйстве труда военнопленных. Широкое распространение принудительный труд пленных получил в Саратовской губернии, при этом положительный опыт их использования распространялся через печатные издания. Однако даже в условиях правильно организованного труда военнопленные не могли заменить миллионы мужчин, мобилизованных на фронт из сельского хозяйства.

Ключевые слова: *Первая мировая война, солдаты, военнопленные, труд, рабочая сила, сельское хозяйство, земство*

This article examines the problem of the labor force of the agriculture of the Volga region during the World War I. This region had a long been among the major suppliers of commodity grain. General mobilization led to manpower problem. Looking for the solution of the problem, the government drew attention to the possibility of using the labor of prisoners of war in agriculture. Different province reacted differently to this proposal. The Saratov region was characterized by widespread of forced labor of prisoners with positive experience, disseminated through printed press. However, prisoners of war could not replace those millions of people who went to the front from agriculture, even in conditions of properly organized labor.

Keywords: *World War I, soldiers, prisoners of war, labor, agriculture*

Первая мировая война, практически незнакомая нынешнему поколению из-за огромной временной отдаленности, для ученых-историков представляла и до сих пор представляет огромный познавательный и исследовательский интерес. Российские ученые-историки особое внимание уделяли деятельности земских органов, оценивали экономическую, социально-политическую и морально-нравственную обстановку этого трагического и кризисного времени [Барынкин 2013: 14-18; Баданов 2013: 71-83; Нестеров 2013: 87-91; Патрушев 2011: 145-151; Рыбков, Демидова 2013: 147-149].

Особой тяжестью «вторая Отечественная», как изначально называли Первую мировую, легла на плечи крестьянства, которое своим трудом обеспечивало продовольствием воюющую армию и многочисленное население больших и малых городов. Ни для кого не является секретом, что формирование воинских частей и подразделений осуществлялось в большей степени за счет сельского населения. Например, из Саратовской губернии было призвано 47,3% мужчин трудоспособного возраста, преимущественно жителей села. Проводимые мобилизационные мероприятия

существенным образом обременяли крестьянское население. Военный призыв совпал с уборочной страдой и массовым закрытием винных магазинов, запаздывала выдача материальных пособий семьям мобилизованных воинов, ухудшилось питание населения. Обеспокоенный происходящими событиями саратовский губернатор А.А. Ширинский-Шихматов обратился к министру внутренних дел Н.А. Маклакову за разрешением на введение чрезвычайного положения. Просьба была удовлетворена – с 25 июля 1914 г. в губернии было объявлено чрезвычайное положение. Недовольство мобилизацией среди сельского населения проявлялось и в 1915, и в 1916 г. [Деннингхаус 2008: 166].

Между тем, имеющиеся трудовые ресурсы в крестьянских хозяйствах являлись одним из главных показателей социально-экономического развития деревни. Нехватка трудоспособного населения быстро привела к сокращению пахотных площадей. В Саратовской губернии за первые 2 года войны они уменьшились с 2 663 тыс. дес. до 2 320 тыс. дес., т.е. почти на 16%. При этом значительная масса крестьянских семей приходила в упадок. На качественный состав рабочей силы и обеспеченность ею сельского хозяйства оказывали влияние различные факторы, напрямую связанные с войной. Прежде всего, труд женщин, детей, мужчин пожилого возраста, а также беженцев (основу которых составляли представители тех же демографических групп) во многих отношениях уступал мужскому – хозяйскому труду. К тому же сильно повышенная плата плотникам и чернорабочим в городах в значительной степени способствовала оттоку мужского населения из села. Семьи, лишенные кормильцев, в отличие от полноценных в трудовом отношении семей, не справлялись с объемом полевых работ [Барынкин 2013: 15].

Таким образом, систематическая убыль рабочей силы ставила перед правительством задачу сохранения эффективности отечественного сельского хозяйства. В этой связи оно обратилось к возможности использо-

вать в народном хозяйстве труд военнопленных, которые с 1914 г. стали поступать в огромном количестве. Например, только 15 августа 1914 г. русскими войсками была разгромлена 15-я австрийская дивизия. В плен попали 100 офицеров и 4 тыс. солдат австрийской армии [Летопись войны 1914: 40]. Царский рескрипт от 20 августа (2 сентября) 1914 г. предусматривал принудительное направление военнопленных на казенные и общественные работы без какого-либо особого вознаграждения с предоставлением им лишь установленного казенного пайка. Министерство внутренних дел и Совет министров предложили губернаторам сообщить о потребности в бесплатной рабочей силе. В ответ пришли заявки на 70 тыс. пленных для использования их на самых различных работах [Гордеев].

Органы местного самоуправления некоторых губерний Европейской части России рассматривали вопрос о возможности использовать в сельском хозяйстве труд военнопленных. Высказывались идеи о направлении бесплатной рабочей силы в крупные товарные хозяйства, создании подвижных групп из военнопленных, преимущественно славянского происхождения, для обработки угодий тех семей, из которых мужчины были мобилизованы на фронт. 10 февраля 1915 г. состоялось экстренное совещание председателей земских управ Саратовской губернии по обсуждению данного вопроса. Его участники выказали желание воспользоваться трудом военнопленных. Губернская управа разослала по уездам правила о выписке военнопленных и собрала сведения о необходимом количестве рабочих рук для сельскохозяйственных работ. [Сельскохозяйственный вестник Юго-востока 1915а: 15].

Министерство внутренних дел уведомило Саратовскую губернскую управу, что в начале апреля на Саратовщину согласно составленной заявке от уездных земств будет прислано 8 148 пленных славян. В общей сложности летом 1915 г. в сельском хозяйстве Саратовской губернии трудилось 11 200 чел. и на полевых работах – 1500 чел. из числа военноплен-

ных [Сельскохозяйственный вестник Юго-востока 1915б: 18].

Особым спросом пользовались такие профессии, как садовник, кузнец, плотник. Главы хозяйств, принявшие пленных славян на работу, как правило, одобряли качество их труда и давали положительные отзывы. Однако имела место и противоположенная тенденция. Например, из Балашовской земской управы сообщили губернатору, что в с. Аркадак из 215 пленных, доставленных для сельскохозяйственных работ, 120 отказались работать. Аткарская земская управа доводила до сведения губернских властей, что отказ от работы военнопленных принял массовый характер.

Расследование выяснило причины саботажа. Оказалось, что недовольство проявлялось в связи с неудовлетворительной пищей и качеством бытовых условий в помещениях для жилья, в отдельных уездах отказ от работ мотивировался тяжестью крестьянского труда и тем, что рабочий день был ненормированным. Уездным управам было настоятельно предложено пристально наблюдать за содержанием пленных, выписанных на сельскохозяйственные работы, создать им достойные условия для проживания и труда [Сельскохозяйственный вестник Юго-Востока 1915в: 16].

Не везде к идее использования труда пленных отнеслись с энтузиазмом. Например, в Николаевской земской управе Саратовской губернии крестьяне 47 из 48 волостей от труда пленных отказались из-за опасения поджогов, краж, потрав. Отдельные владельцы подавали ходатайства самостоятельно, при этом многие из них просили только славян [Сельскохозяйственный вестник Юго-Востока 1915б: 18].

Астраханская губернская и уездная земская управы на предложение губернатора взять военнопленных для распределения между нуждающимися в их труде сельскими хозяевами ответили отказом из-за неприемлемости правил, установленных для отпуска военнопленных на сельхозработы. На тот момент каких-либо специальных норм применения труда военноплен-

ных не имелось, были взяты существующие нормы обеспечения нижних военных чинов в плену. Между тем, жизнь заставляла отступать от принятых норм. Так, по мнению Царевской земской управы Астраханской губернии, следовало ввести новые нормы обеспечения продовольствием наемников из поверженных врагов, более точно определить обязанности земств по охране военнопленных, разрешить хозяевам и земствам возвращать таких наемников военному ведомству до истечения срока, на который они взяты, если те окажутся нерадивыми или непригодными для работ.

Существующие правила устанавливали нормы продовольствия для военнопленных наравне с нижними воинскими чинами, в т.ч. с мясом. Однако не только местные рабочие, но и сами хозяева, живущие на хуторах, ели мясо лишь по большим праздникам. В этой связи управа просила изменить пункт правил, чтобы пленных кормили наравне с местными рабочими, а не с нижними воинскими чинами, как того требовали правила.

Согласно правилам охрана пленных осуществлялась местной полицией, в помощь которой нанимались по мере необходимости особые сторожа за счет финансов, поступающих земству из платы за труд военнопленных. Не определенность числа сторожей на определенное число пленных и отсутствие указаний на то, кто несет ответственность в случае побега заключенных, подтолкнули управу ходатайствовать о точном установлении обязанностей земства по охране военнопленных. Предлагалось, что земство обеспечит средства для найма сторожей в количестве не более 1 конного сторожа (с оплатой в 40 руб. в месяц) на 50 пленных с таким расчетом, чтобы он мог объезжать отданных под его надзор пленных не менее 2 раз в неделю. Такая схема обеспечила бы возможность распределить дополнительную рабочую силу среди мелких хозяев.

Самым главным недостатком правил являлось отсутствие указаний на возможность возврата пленных военному ведомству. Держать партию нерадивых или непригодных для работ пленных в

течение 3–5 месяцев для хозяев было слишком обременительным. В этой связи земство обращалось за правом возвращать пленных партиями не менее 25 чел.

В случае внесения изменений в правила управа была готова установить плату военнопленным по 6 руб. в месяц, из них 3 руб. — в пользу земства; назначить срок для пользования пленными с 1 мая по 1 июля и с 1 июля по 1 октября; распределять пленных не менее чем по 5 чел. на хозяйство [Сельскохозяйственный вестник Юго-Востока 1915в: 19].

Вероятно, по результатам аналогичных ходатайств 8 (21) марта 1915 г. правительством было принято дополнение к Положению «О военнопленных», которое все же предоставляло право выплачивать подобному контингенту денежные оклады. Управление военнопленными переходило к местным органам власти, а доставка, содержание и охрана финансировались за счет ведомств, использующих их труд.

В связи с тем, что война приняла затяжной характер, а деревня лишилась работников, возникла объективная необходимость ознакомить ведомства, использующие военнопленных, с недостатками применения их труда и распространить положительный опыт. Если солдат попадал в плен, он оставался солдатом, если же в качестве пленного он направлялся на мирные сельскохозяйственные работы, то шел туда как простой труженик, который в поте лица зарабатывал свой хлеб. Наблюдения за тремя десятками австрийцев в Саратовской губернии показали, что они не склонны к побегу, удаленность Поволжья от западных окраин делала эту мысль безумной. Нападений на безоружных мирных жителей тоже не было, славяне демонстрировали миролюбивое настроение и даже проникались желанием работать, хотя бы и в качестве наемных лиц.

Примером эффективного использования труда военнопленных в сельском хозяйстве, распространяемым через периодическую печать, стала организация работ на опытном поле «Шмитовка» Вольского уездного земства Саратовской губернии. Ранней

весной 1915 г. Вольская земская управа для оказания помощи опытному полю прислала 20 военнопленных, которые были приняты на условиях, определенных управой: платить за работу 7 руб. в месяц каждому с удержанием половины из этой суммы в пользу управы на покрытие расходов, связанных с доставкой и охраной военнопленных, предоставить военнопленным, кроме жалования, помещение, одежду, обувь и пищу применительно к норме низших воинских чинов. Жилище для военнопленных было отведено чистое, светлое и достаточно вместительное для 20 чел., состоящее из 3 комнат, кухни и крытой галереи, служившей до войны помещением для практикантов опытного поля [Сельскохозяйственный вестник Юго-востока 1915г: 15].

Для сравнения приведем условия обычного лагеря для военнопленных, устроенного по барачной системе. Сооружения имели в среднем около 45 м в длину, 13 м в ширину и 5 м в высоту и были рассчитаны на 250–300 военнопленных. Внутри барakov устанавливались сплошные двухэтажные или трехэтажные нары с проходом посередине барака. Места для отдыха ничем не разделялись, каждому военнопленному отводилась площадь шириной около 70 см. Постельных принадлежностей бывшим солдатам не полагалось. В некоторых местах помещения для военнопленных устраивались в виде землянок [Ниманов 2010].

Размер пайка военнопленных обходился опытному полю в месяц почти столько же, как содержание сезонного рабочего. Военнопленный получал 6 руб. 23 коп., а рабочий — 6 руб. 08 коп., но с тем отличием, что пленные употребляли в основном мясную пищу, в меньшей степени мучную, которой кормили русских рабочих.

Самые большие затруднения для опытного поля представляла нормировка рабочего дня. Военнопленные категорически отклонили предложение выходить на работу с восходом солнца, вместе с местными работниками. Был выработан иной принцип организации рабочего дня, которому военнопленные подчинялись: с 5 до 6 ч утра — завтрак, с 12 до 14 — обед,

с 6 до 12 дня и с 14 до 20 – работа. При такой норме продолжительность рабочего дня составляла 12 часов. В ходе переговоров удалось добиться обещания выходить на работу с восходом солнца лишь на время уборки. Кроме точного выполнения условий, на которых военнопленные были приняты на работы, опытное поле сочло необходимым, начиная со времени покоса, увеличивать обычное жалование в качестве поощрения.

Опыт 1915 г. подсказывал, что во всяком крупном имении администрация, надзирающая за исполнением работ сезонными рабочими, наряду с этим следит и за пленными. Ночью же они находились под надзором имеющегося в каждом имении сторожа. При этом, несмотря на настойчивые разъяснения стражникам, что они ни на минуту не должны упускать из виду охраняемых, случалось заставить охранников спящими на нарах с револьверами у

пояса рядом с военнопленными; тут же лежала винтовка, снаружи стояла лошадь [Сельскохозяйственный вестник Юго-востока 1915г: 15].

Таким образом, мы выяснили, что военнопленные не могли заменить те миллионы мужчин, которые ушли на фронт из сельского хозяйства. Тем не менее без принудительного труда военнопленных обойтись было трудно. Бывших солдат на сельхозработах следовало приравнять к обычным сезонным работникам крупных имений, предоставлять им качественное помещение и пищу, оплачивать труд. Что же касается одежды, обуви и дополнения к нормированной еде, то, получая нормальное жалование, военнопленные могли сами обеспечить себя. Некоторые проблемы возникали лишь с организацией охраны, но даже при этом можно отметить спокойный нрав пленных и отсутствие попыток к побегу.

Литература

Баданов В.Г. 2013. Деятельность органов земского самоуправления Олонецкой губернии в годы Первой мировой войны. – *Вопросы истории и культуры северных стран и территорий*, № 2(22). С. 71–83.

Барынкин В.П. 2013. Крестьянское хозяйство центральной России в годы Первой мировой войны (по материалам Калужской, Орловской и Смоленской губерний). – *Вестник Брянского государственного университета*, № 2. С. 14–18.

Гордеев О.Ф. *Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.)*: Историко-правовые аспекты проблемы. Доступ: <http://www.randia.ru/text/77/276/87522.php> (проверено 29.02.2014).

Деннингхаус В. 2008. *Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период зката Российской империи* (под ред. А.А. Германа). Саратов, 248 с.

Летопись войны. 1914. № 2.

Нестеров Ю.С. 2013. Социально-экономические процессы в Российской империи в годы Первой мировой войны. – *Поволжский педагогический поиск*, № 1(3). С. 87–91.

Ниманов Б.И. 2010. *Содержание военнопленных на территории России в годы Первой мировой войны*. Доступ: <http://maxpark.com> (проверено 27.02.2014).

Патрушев А.В. 2011. Земские организации Вятской губернии в вятской прессе периода Первой мировой войны. – *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. № 3, ч. 1. С. 145–151.

Рыбков А.Г., Демидова Е.И. 2013. Чехословацкий корпус в контексте военно-политических событий России 1918 года (на материалах Поволжья). – *Вестник СГСЭУ*, № 5(49). С. 147–149.

Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915а. № 4.

Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915б. № 7.

Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915в. № 9.

Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915г. № 15–16.